

А.Д. Гронский (Минск, Республика Беларусь)

ВОЙНА ЦИФР НА СКРИЖАЛЯХ ИСТОРИИ: КОЛИЧЕСТВО ПОТЕРЬ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ ПО ИСТОЧНИКАМ С ОБЕИХ СТОРОН

НЕСМОТРЯ на то что польскому восстанию 1863–1864 гг. посвящена не одна книга, в истории восстания остается еще множество белых пятен. В первую очередь эти белые пятна связаны с излишней мифологизацией восстания, которая проявляется даже в научных текстах¹. В нем заинтересованные лица видели не только выступление польской шляхты за восстановление своего государства, но и нагружали его иными смыслами, далекими от реальных мотивов повстанцев и даже противоречащими им².

Если обратиться к источникам, описывающим восстание, тогда многое проясняется в идеологии повстанцев. Но обратимся к документам, в которых приводятся цифры. Статистические сведения о репрессированных повстанцах можно найти в книге Зайцева³, эти сведения дают представление о размахе репрессий российских властей. Который, кстати, был не таким уж и широким, как принято считать. Наш интерес в настоящее время лежит в сравнении цифр потерь русских войск и польских повстанцев.

Мы будем пользоваться двумя источниками. Российский взгляд представлен во второй части сборника «Архивные материалы муравьевского музея»⁴. Его составитель А.И. Миловидов постарался собрать сведения обо всех боях с повстанцами на территории Северо-Западного края и в Августовской губернии, которая также контролировалась генерал-губернатором М.Н. Муравьевым. Миловидов указывает, что он собрал информацию обо всех боях и стычках, хотя и замечает, что что-то могло ускользнуть от его

внимания⁵. Также Миловидов дал перечень фамилий русских солдат и офицеров, погибших и умерших от ран в период подавления восстания. Эти фамилии были выбиты на памятных досках Александро-Невской часовни, расположенной в Вильне. Часовня была заложена М.Н. Муравьевым в память солдат, погибших в боях с повстанцами, а открыта уже при преемнике Муравьева генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане. Часовня была уничтожена в период гражданской войны, и список фамилий в сборнике Миловидова, видимо, остался единственной доступной информацией о погибших⁶. Список также можно найти на сайте научно-просветительского Интернет-портала «Западная Русь» (перечень, представленный на сайте, уточнен и более удобно разбит)⁷. В сборнике А.И. Миловидова содержатся различные документы, в том числе и рапорты начальников русских отрядов или командующих войсками в определенных регионах. Там есть описание боев, а также встречается информация о количестве повстанцев и русских войск, участвовавших в том или ином бою, о потерях с той и другой стороны, хотя полные сведения отражаются не всегда.

С другой стороны использованы воспоминания польского повстанца И. Арамовича, написанные в Швейцарии в 1865 г. и недавно переведенные на белорусский язык⁸. Арамович был адъютантом при военном начальнике Гродненского воеводства, поэтому, как предполагается, в его воспоминаниях присутствует информация из рапортов отдельных повстанческих командиров⁹. Описывая бои с русскими войсками, Арамович также приводит цифры, показывающие количество сил и жертв с той и другой стороны.

Сравнить информацию из двух противоположных источников представляется интересным хотя бы потому, чтобы понять то, как представляли себе та и другая сторона свои действия и их итоги.

Мы рассмотрим всего лишь несколько боев, в отношении которых можно найти точные данные с обеих сторон. Дело в том, что еще Миловидов писал о том, как сложно сопоставить сведения об одном и том же сражении из разных источников. Ведь командиры русских отрядов, описывая бой, могли географически привязать его к одному населенному пункту, гражданская администрация, упоминая об этом же бое, – к другому, а повстанцы вообще к третьему. Поскольку большинство боев происходило между деревнями, то в разных рапортах один и тот же бой привязывался к разным географическим названиям – или к названию населенного пункта,

который был ближе, или к названию деревни, со стороны которой пришел отряд, или вообще употреблялись названия не населенных пунктов, а леса или реки (например, бой в Одрыженском лесу или у реки Стертеж и т. д.).

Рассмотрим всего три боя армейских и повстанческих отрядов – те бои, которые описаны наиболее подробно в опубликованных рапортах в сборнике Миловидова и упоминания о которых есть у Арамовича.

Первым рассмотрим бой у Сельца, произошедший в начале мая 1863 г. Поляки под командованием Г. Стравинского (Млотека) заблокировали дорогу для русского отряда, который после ночного сна отправился на поиски повстанцев. Поляков было достаточно много, и они желали сражения. Русский авангард бросился в штыки, поляки отошли, русские продолжили преследование. Поляки укрепились, русский авангард отошел, ожидая основные силы, повстанцы последовали вслед за русскими, но тут подошли основные силы отряда. После этого поляки не смогли оказать сопротивление и стали отступать. Их преследовали около 5 верст. Преследование прекратили по причине почти полного исчерпания боеприпасов и «потерпев значительный урон»¹⁰. После этого повстанцы опять сосредоточились, но к русским подоспело подкрепление – второй отряд, занимавшийся поисками повстанцев поблизости. Судя по всему, он и продолжил бой. Повстанцы отступили, забирая раненых, хотя смогли забрать не всех¹¹. Поле боя осталось за русскими.

По сведениям Арамовича, поляки имели чуть более 300 человек (изначально 280 человек, к которым присоединилось, как минимум, несколько десятков)¹². Они были разделены на четыре роты – 3 стрелецких и 1 косинерскую. Русские источники сведения о повстанцах не сообщают.

Количество русских войск Арамович не сообщает. По русским сведениям, они состояли из двух отрядов. Отряд под командованием штабс-капитана Евдокимова состоял из 112 пехотинцев Ревельского полка и 20 казаков, т. е. насчитывал 132 человека, а другой, под командованием есаула Евстратова – из 80 солдат Ревельского полка и 40 казаков, т. е. из 120 человек. К какому или каким казачьим полкам принадлежали казаки, не указано¹³. Таким образом, общее количество русских войск, участвовавших в бою, составляло 252 человека против примерно более чем 300 повстанцев.

Причем русские вступили в сражение не все сразу, второй отряд не успевал к началу боя. Не удивительно, что повстанцы, видя перед собой достаточно немногочисленный по отношению к себе русский отряд, стремились во что бы то ни стало завязать бой и достичь победы. Если учитывать, что три повстанческих роты из 4-х были стрелецкими, т. е. вооружены огнестрельным оружием, тогда понятно, что руководство инсургентского отряда рассчитывало на успех.

Потери поляков, по польским сведениям, 5 убитых и 4 раненых, двое из которых тяжело¹⁴. По русским данным, в первой фазе боя поляки оставили на поле боя 50 человек убитыми, во второй фазе боя, когда подошло русское подкрепление, потери поляков составили более 50 убитых на месте, и еще 9 тяжелораненных умерло во время перевозки их в Сельцы¹⁵. Таким образом, общие потери повстанцев, по русским данным, составили более 110 человек убитыми и умершими от ран при транспортировке. То есть цифры польских потерь различаются в 22 раза.

Сведения о русских потерях в этом бою также разнятся. По польским сведениям, число жертв со стороны русских составило 176 человек, из них 65 раненых¹⁶, то есть погибших было 111 человек. По русским сведениям, в первом отряде погибло 5 человек и 23 было ранено (из них 16 легко)¹⁷. Эти потери были определены в рапорте как «значительный урон». Видимо, именно так их и воспринимали, поскольку чаще всего, если русские солдаты и гибли в боях с повстанцами, то потери исчислялись 1–2 погибшими и несколькими ранеными. Это можно проследить по перечню боев, который был составлен Миловидовым¹⁸. Первая фаза боя закончилась, если верить Арамовичу, тем, что русские «бежали по дороге до Сельца, бросая трупы, раненых, штуцера (30 штук), барабан и лошадей (7)». По русским сведениям, русские захватили в этом бою 5 лошадей и фургон¹⁹, что нелогично, ведь бросающие своих лошадей, но забирающие лошадей противника должны были выглядеть странно. Второй русский отряд также имел потери – 3 убитых (1 казак, а также ревелыцы – унтер-офицер и рядовой), 5 раненых и 2 контуженных²⁰. Наступление ночи помешало преследованию повстанцев. Таким образом, за весь бой общие потери русских войск составили 8 убитых, 28 раненых и 2 контуженных. В русском рапорте эти потери названы «значительными» и объясняются «энергиею начальника партии и стойкостью шайки его, действующей

правильно и по всем правилам тактики»²¹. Т. е. русские отдавали должное полякам и их сопротивлению.

Теперь сравним цифры русских потерь. Если поляки утверждают, что они составили 111 убитых и 65 раненых, а русские, что они составили 8 убитых, 28 раненых и 2 контуженных, то цифры по убитым разнятся почти в 14 раз, по раненым (если к ним отнести и контуженных) – чуть более чем в 2 раза.

Если обратиться к спискам на стенах Александро-Невской часовни²², можно узнать, что за все время восстания погиб 21 солдат Ревельского полка. Общее число погибших казаков, участвовавших в подавлении восстания в Северо-Западном крае, составило 22 человека. Если гипотетически предположить, что все жертвы Ревельского полка были именно в этом сражении и все казачьи потери были в нем же, тогда получается, что русских должно было погибнуть 41 человек, но никак не 111.

Описывая именно этот бой, Арамович приоткрывает завесу над тайной того, каким же образом подсчитывались русские потери. Вот цитата: «Потери москалей подсчитали в Пружанах – 176, из них 65 раненых»²³. То есть повстанцы отступили (или бежали, смотря кто описывает события). Оставив поле боя, они не могли подсчитать потери русских. Русские офицеры свои цифры подают, ссылаясь на подсчеты трупов на поле боя. А вот повстанцы подсчитывают жертвы, понесенные противником, находясь далеко от места события. И подсчеты, на которые ссылается Арамович, это, скорее, желаемое, которое выдается за действительное.

Следующим рассмотрим один из боев русских войск с отрядом Р. Траугута, произошедшим в первой половине мая 1863 г. Русские отряды искали Траугута после предыдущего боя. Крестьяне рассказали русскому авангарду, что слышали выстрелы по направлению к Белинским лесам. Крестьяне, которые явились к командиру отряда, эти сведения подтвердили. В это время русские были разделены на два отряда. Генерал-майор А.Ф. Эггер направил войска на повстанцев. При этом часть войск была оставлена в засаде возле плотины. Лес вокруг был болотистый, поэтому отходить повстанцы могли лишь в определенном направлении, его и перекрыли русские. Повстанцы быстро заняли оборону и встретили неприятеля «убийственным огнем, от которого с самого начала значительное число было ранено»²⁴. Бой был отчаянный, русские пошли в бой без резерва, т.к. их было очень мало и резерв попросту нельзя было

сформировать. Как указывал Арамович, «москали трижды ходили в атаку и трижды были отбиты»²⁵. Кроме того, часть русских войск находилась в засаде и не участвовала в штурме. Несмотря на отчаянное сопротивление поляков, они были вытеснены из лагеря. В лагере осталось все имущество. По русским сведениям, бой длился более 2 часов²⁶, по польским – 3 часа, а отдельные выстрелы продолжались до вечера²⁷.

По русским сведениям, силы повстанцев составляли 300–400 человек «отлично вооруженных и обученных»²⁸. Более точно определить количество повстанцев русские вряд ли могли, поскольку до этого Траугут был дважды разбит, и инсургенты несколько раз были рассеяны, но потом вновь собирались. В каком количестве они возвращались к Траугуту, русским сложно было предположить. У Арамовича сведений о количестве повстанцев в отряде Траугута не указано.

Если рассмотреть количество русских войск, участвовавших в сражении, то польские и русские цифры различаются. По русскому рапорту, отряд состоял из полутора рот 3-го стрелкового батальона и полсотни казаков²⁹. Из них 30 стрелков и 15 казаков были направлены в засаду и непосредственного участия в бою не принимали³⁰. Польские сведения о количестве русских войск значительно отличаются. Арамович указывает, что русских было 4 роты и 200 казаков³¹. Т. е. сведения по количеству стрелков различаются чуть более, чем в 2,5 раза, а по казакам – в 4 раза.

Количество жертв, по сведениям сторон, также различается. Так, по воспоминаниям Арамовича, повстанцы потеряли 13 человек убитыми и 4 ранеными, двое из которых были взяты в плен. Еще 10 инсургентов было поймано крестьянами и передано законным властям. Также русским достался весь повстанческий обоз в 20 подвод и 50 лошадей³². По русскому рапорту, повстанцы потеряли 21 человека на поле боя – это те, кого русские смогли учесть. Еще 5 повстанцев, оставшихся на поле боя, было ранено и соответственно взято в плен. Также рапорт указывает, что поляки, предположительно, потеряли большое количество людей при отступлении через болота, т. к. в удобном для отступления месте располагалась засада, которая открыла огонь по отступающим. Сколько погибло от выстрелов из засады и утонуло в болотах – неизвестно, но «потеря должна быть огромная»³³. Русским достался «весь неприятельский обоз и множество оружия, пороху, свинцу, готовых патронов,

походная аптека, большой запас разных продуктов, множество разного платья и лошадей...». Несколько повстанцев захватили крестьяне, о большом количестве потерь от огня из засады и в болотах русские узнали именно от пленных³⁴. Потери поляков, по сведениям Арамовича, составляют 13 человек, а по русским данным – 21 человек только тех, кого обнаружили павшими на поле боя. В болотах никто убитых не искал, поэтому потери повстанцев в болотах остались неизвестны. Т. е. разница в подсчетах (без учета утонувших в болотах и погибших в них же от выстрелов из засады) более, чем в 1,5 раза.

Русские потери, по двум источникам, также различаются. По польским сведениям, русские потеряли 73 человека убитыми и более 30 ранеными³⁵. Русские данные указывают, что «успех куплен нами, однако, дорогою ценою», которая составила 9 убитых и 36 раненых (1 офицер и 35 нижних чинов, 4 из них тяжело)³⁶. Если цифры раненых примерно совпадают, то безвозвратные потери различаются более чем в 8 раз. За русскими осталось поле боя, т. е. они могли посчитать и свои, и чужие потери. Поляки же вынуждены были отойти, поэтому вряд ли они могли адекватно посчитать русские потери. Свои потери повстанцы также точно посчитать не могли, т. к. отряд был рассеян, кто-то был убит, ранен, утонул в болоте, попросту ушел домой. Именно поэтому очень сложно установить реальные потери, поэтому точные цифры, оказавшиеся у Арамовича, вызывают удивление.

Однако на следующий день некоторые поляки вернулись на место битвы, где они застали крестьян, которые кормили раненых и «тех, кто потерялся». Возле поля боя было «три могилы, а над одной возносился крест с надписью “За упокой царя и отечества скончались три русские и один поляк”. Могилы раскопали – москали лежали снизу, а наши сверху с разбитыми прикладами головами»³⁷. Вызывает удивление то, что повстанцы раскапывали могилы. Для чего это делалось, Арамович не сообщает. Естественно, что по захороненным можно было установить количество погибших, но почему оно не совпадает с данными рапорта – непонятно. Кстати, раскапывание могил погибших солдат – это не единичный случай. Тот же Арамович описывает подобное в другом месте своих воспоминаний³⁸.

Конкретизировать русские потери можно по спискам фамилий погибших и умерших от ран, ранее выбитых на стенах в Александрово-

Невской часовне³⁹, потери 3-го стрелкового батальона за все время восстания – 14 человек, а потери всех казачьих полков в Северо-Западном крае, как указывалось ранее, – 22 человека, поскольку в рапорте не сообщается, к какому полку приехали казаки, просто укажем общие казачьи потери в крае. Даже если сложить потери всех казаков и 3-го стрелкового батальона, то никак не выходит 73 погибших с русской стороны. Следовательно, потери русских войск в этом бою слишком завышены.

И еще один бой, который подвергнем анализу, произошел на мызе Пухлы в конце июля 1863 г. Объединенный конный отряд повстанцев остановился на ночь на мызе. С утра (по польским сведениям в 3-м часу, а по русским в 5-м часу утра) повстанцы были атакованы казаками и уланами, которые попытались ворваться во двор мызы, где повстанцы уже готовились к походу. Инсургенты успели закрыть ворота и начали отстреливаться из-за высокого частокола. Поняв, что русских достаточно мало, поляки сделали попытку окружить отряд, но когда они перекрыли проход по плотине, русские прорвали польские ряды и вышли из окружения. После чего возобновилась перестрелка. Для того чтобы поторопить пехоту, которая догоняла кавалерийскую часть русского отряда, были посланы казаки. По сведениям Арамовича, русская пехота находилась в засаде возле ближайшего брода, но далее, по его же данным, русская пехота попросту не успела к концу перестрелки, т. к. она была «на расстоянии двух выстрелов» от места боя. Тут, скорее, можно верить русскому рапорту – пехота шла издалека. Казаки, посланные за ней, видимо, были восприняты поляками как очередное русское подкрепление, т. к. Арамович записал, что на помощь русским «подошла конница и даже пехота»⁴⁰. К этому времени повстанцы начали отходить, успев забрать своих убитых и раненых. Поле боя осталось за русскими, которые преследовали повстанцев еще 5–6 верст, но прекратили преследование по причине того, что люди были уставшими. Ведь русская кавалерия вступила в бой с ходу, подошедшая пехота также была с марша, а повстанцы успели отдохнуть и сами уже собирались уходить с мызы⁴¹.

В воспоминаниях Арамовича не сообщается о количестве повстанцев, русские сведения говорят о том, что в отряде было «250 отлично вооруженных охотников, повстанцев»⁴². Количество русских войск, по польским сведениям, достигало эскадрона улан и 50 казаков, позже подошли еще казаки и пехота⁴³. По русским

сведениям, кавалерия вступила в бой следующими силами – 75 уланов 2-го эскадрона С.-Петербургского уланского полка и 30 казаков 5-й сотни 5-го Донского казачьего полка. Позже подошла стрелковая рота Софийского пехотного полка, но она реально приняла участие лишь в преследовании⁴⁴. Русская рота того времени состояла примерно из 180 человек (по штатам военного времени)⁴⁵, эскадрон был примерно такого же состава, т. е. поляки оценили русский кавалерийский отряд примерно в 230 человек, по русскому рапорту уланов и казаков вместе было 105 человек. Т. е. силы русских по польским сведениям завышены более чем в 2 раза по отношению к русским сведениям.

Потерь у поляков, по сведению Арамовича, нет, «несмотря на то что дом и заборы посекали пули». Раненой оказалась лишь одна лошадь⁴⁶. По русским сведениям, потери поляков ранеными и убитыми составили примерно 30 человек, но в русском рапорте указано, что поляки успели забрать всех своих погибших и раненых. Поэтому русские сведения базируются лишь на информации, полученной от местных жителей⁴⁷. Насколько точно местные жители могли посчитать жертвы – неизвестно.

Русские потери, согласно Арамовичу, были 20 человек убитыми (в том числе казачий офицер) и 14 ранеными⁴⁸. По русским сведениям, их потери составили 2 убитых (казачий офицер и рядовой улан) и 4 улана были ранены (из них один тяжело)⁴⁹. Т. е. сведения по убитым различаются в 10 раз, по раненым – в 3,5 раза. По сведениям о погибших, имевшихся в Александро-Невской часовне, в С.-Петербургском уланском полку за все время восстания погибло 3 человека, а в 5-м Донском казачьем – 2⁵⁰, т. е. общие потери обоих полков за все время восстания составили 5 человек, и даже если они все гипотетически были бы в этом бою, то 20 русских погибших, как утверждал Арамович, все равно никак не получилось бы. Интересно, что в информации по этому бою есть сведения о конских потерях, причем сведения с обеих сторон. Так, Арамович утверждает, что у повстанцев была ранена лишь одна лошадь, а по русским сведениям, у повстанцев были отбиты 20 лошадей, еще 4 убиты и 5 тяжело ранены⁵¹. Т. е. данные не совпадают. Если учесть, что поле боя все-таки осталось за русскими, то они могли посчитать потери в лошадях более точно.

Почему же такие разные цифры потерь при упоминании одного и того же боя противоположными сторонами? Естественно, каждая

сторона старалась представить события в выгодном для себя свете, но это все же более касается описания боя, чем подсчета потерь. Рапорты русских офицеров более точны в отношении цифр. Ведь поле боя в основном оставалось за русскими войсками, т. е. именно они могли подсчитать трупы после боя. Собственные потери в русских рапортах не было смысла занижать, ведь иначе каким образом можно было объяснить начальству такую огромную убыль солдат? Да и вызывает большое сомнение, что повстанцы практически всегда могли вести очень эффективный огонь по противнику. И почему тогда поле боя практически всегда при столь огромных русских и малых польских потерях оставалось именно за русскими войсками? Польские подсчеты базировались, скорее всего, на предположениях того, сколько же русских солдат они потенциально могли убить. Тот факт, что подсчеты делались не сразу после боя, а тогда, когда повстанцы отрывались от преследования, говорит сам за себя. Русские потери в польских повстанческих рапортах были завышены, иногда (а может быть, часто) очень сильно. Собственные потери практически всегда занижались. Это могло быть по разным причинам. Например, повстанческие командиры могли предположить, что люди разбежались или потерялись, т. е. не были убиты, поэтому их не вносили в списки жертв. Или же попросту нужно было показать эффективность собственных действий.

Видимо, при выяснении цифр потерь той и другой стороны все же следует признать, что русские данные более корректны, чем данные польских повстанцев.

¹ См., напр.: Забаўскі М.М. Гістарыяграфія паўстання 1863–1864 гг. // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 28 лістапада 2003 г. У 3 ч. Ч. 2. Мінск: БДПУ, 2003. С. 262–267; Кулакевіч Т.М. Касцюшка і Каліноўскі – нацыянальныя героі Беларусі // Славянскі свет: мінулае і сучаснае. Матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. 26 сакавіка 2004 г. У 3 ч. Ч. 1. Мінск: БДПУ, 2004. С. 79–82; Люты А.М. Кастусь Каліноўскі (да 140-годдзя паўстання 1863–1864 гг. ў Беларусі) // Славянскі свет: мінулае і сучаснае. Матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. 26 сакавіка 2004 г. У 3 ч. Ч. 1. Мінск: БДПУ, 2004. С. 88–96 и мн. др.

² Критику современных белорусских представлений о польском восстании 1863–1864 гг. см.: Гронский А.Д. Конструирование образа белорусского национального героя: В.К. Калиновский // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., «Индрик», 2008. С. 253–265.

- ³ Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г.: (Опыт статистического анализа). М.: Наука, 1973. 196 с.
- ⁴ Архивные материалы муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 г. по 7 января 1864 г. / сост. А. Милюдов. Вильна: Губернская типография, 1915. LXII с. + 466 с.
- ⁵ Там же. С. L.
- ⁶ Там же. С. LII–LIV.
- ⁷ Список русских солдат и офицеров, погибших в период подавления польского восстания 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края Российской империи // Научно-просветительское Интернет-издание «Западная Русь» // URL: <http://zapadrus.su/bibli/arhbib/85-spisok-pogibshih-russkih-soldat-v-1863.html> Дата доступа: 26.01.2013.
- ⁸ Арамовіч І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг. // Архэ. 2010. № 12. С. 18–71.
- ⁹ Радзюк А. «Мары» Ігната Арамовіча // Там же. С. 17.
- ¹⁰ Архивные материалы... С. 153.
- ¹¹ Там же. С. 154.
- ¹² Арамовіч І. Указ. соч. С. 28.
- ¹³ Архивные материалы... С. 152–153.
- ¹⁴ Арамовіч І. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁵ Архивные материалы. С. 153.
- ¹⁶ Арамовіч І. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁷ Архивные материалы... С. 153.
- ¹⁸ Там же. С. XX–L.
- ¹⁹ Там же. С. 153.
- ²⁰ Там же. С. 154.
- ²¹ Там же.
- ²² Список русских солдат и офицеров...
- ²³ Арамовіч І. Указ. соч. С. 29.
- ²⁴ Архивные материалы... С. 177.
- ²⁵ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ²⁶ Архивные материалы... С. 178.
- ²⁷ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ²⁸ Архивные материалы... С. 178.
- ²⁹ Там же. С. 176.
- ³⁰ Там же. С. 177.
- ³¹ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ³² Там же.
- ³³ Архивные материалы... С. 178.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ³⁶ Архивные материалы...
- ³⁷ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ³⁸ Там же. С. 65.
- ³⁹ Список русских солдат и офицеров...
- ⁴⁰ Арамовіч І. Указ. соч. С. 64.
- ⁴¹ Архивные материалы... С. 285.
- ⁴² Там же. С. 286.

⁴³ Арамовіч І. Указ. соч. С. 64.

⁴⁴ Архивные материалы... С. 284–285.

⁴⁵ Грабовский С.В. Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии (1700–1880). СПб.: Типография Кесневиля и Балашова, 1883. С. 118.

⁴⁶ Арамовіч І. Указ. соч. С. 64.

⁴⁷ Архивные материалы... С. 285.

⁴⁸ Арамовіч І. Указ. соч. С. 64.

⁴⁹ Архивные материалы. С... 285.

⁵⁰ Список русских солдат и офицеров...

⁵¹ Архивные материалы... С. 285.